

Мордовцев Даниил Лукич

Замуро́ванная царица

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
М79

M79   **Мордовцев Даниил Лукич**
Замуроанная царица / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию,
2012. – 112 с.

ISBN 978-5-4241-1664-3

Даниил Лукич Мордовцев (1830-1905) – один из самых замечательных русских исторических романистов. Его книги пользовались огромной популярностью среди российских читателей до революции, однако к советскому читателю многие его произведения приходят только в последнее время. Роман «Замуроанная царица» переносит читателя в Древний Египет (XIII-XII вв. до н. э.) и знакомят с одной из многих художественных версий гибели Лаодики – дочери троянского царя Приама и Гекубы. После падения Трои юная красавица-царевна была увезена в рабство и попала во дворец фараона Рамзеса III, где вскоре погибла, заколотая мечом убийцы. Рамзес похоронил ее в своем склепе.

ISBN 978-5-4241-1664-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Даниил Лукич Мордовцев
Замуроженная царица
Роман из жизни Древнего
Египта

I . ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО ФАРАОНА

В створчатых Фивах, в столице фараонов, торжество.

Массы египтян всех возрастов и полов толпятся около гигантского, с причудливыми исполинскими колоннами и пилонами храма Амона-Горуса. Нил заужен лодками: это народ стремится с заречной, с правобережной стороны Фив переправиться на левобережную, чтобы видеть готовящееся торжество. В воздухе стоит невообразимый гул и говор. Только длинная и широкая аллея сфинксов, ведущая к храму, свободна от толпы, потому что ее оберегают от наплыва любопытных вооруженные длинными копьями «мацаи» — нечто вроде полицейских и сыщиков; гранитные великаны-сфинксы, протянув перед собою львиные лапы, безмолвно глядят своими гранитными очами в неведомое пространство. К людскому говору присоединяются звонкие крики орлов, стаи которых с Ливийских гор постоянно налетают к шумной столице фараонов и спиральями кружатся над нею в голубом, как бирюза, небе.

— Дедушка! — говорила маленькая, десяти-одиннадцати летняя девочка с бронзовым лицом и курчавой головкой, указывая на резные изображения на пилонах храма. — Кого это бьет по головам вон тот страшный человек?

Девочка обращалась к старику, державшему ее за руку.

— Это, дитя, сам фараон поражает своих врагов, — отвечал стариик, гладя курчавую голозку девочки, — то, видишь, влево: великий Аммон подает ему боевую секиру.

— А что там, дедушка, написано? — любопытствует девочка.

— А то, дитя, начертаны слова самого бога. Аммон Горус говорит фараону: «Сын мой, происшедший из чресл моих, ты, которого я люблю, господин двух миров, Рамзес! Я привожу к тебе вождей южных стран с детьми их, сидящими на спинах их...»

— Да, да, дедушка, смотри, вон они на спинах, да все маленькие, — лепетала девочка.

— Такие же, как и ты, дитя, — улыбнулся стариик.

— Зачем же бог Аммон привел их к фараону?

— А вот зачем, дитя. Бог говорит фараону: «Пощади жизнь тех, которых ты изберешь из среды их; убей из них столько, сколько ты найдешь нужным».

— Ах, дедушка! Слышишь музыку?

— Идут! Идут! — пронесся говор по аллее сфинксов. Мацаи торопливо стали приводить народ в порядок, махая копьями.

В конце аллеи сфинксов, противоположном храму, показалась процесия.

Впереди шли ряды музыкантов и хоры певцов. Воздух огласился дикою музыкой барабанов, труб и флейт. Это был военный марш великого Рамзеса-Сезостриса, марш, под ужасную мелодию которого он покорил весь тогдашний мир, залив его реками крови. Музыка сменилась хорами. В этой новой мелодии было что-то еще более ужасное: в ней слышались и рыканье львов, и плач крокодилов Нила, и клекот орлов пустыни.

Так открывалась величественная процесия венчания на царство фараона Рамзеса III, или Рампсинита.

За музыкантами и хорами певчих выступали в богатых одеяниях, блестя зо-

лотом и пурпуром, родственники и приближенные фараона с верховными жрецами в полном облачении.

За ними — высоко в воздухе покачивались с метрической плавностью носилки и трон самого фараона, предшествуемые старшим сыном Рамзеса, который сожигал перед царственным отцом благоухания земли Пунт.

Величественно-напыщенная фигура Рамзеса хорошо видна была для всей собравшейся толпы. Украшенный всеми знаками царского сана, он сидел на золотом троне, а голову его осеняли своими крыльями изображения правосудия и истины. Там же, у трона, — золотые фигуры сфинкса и льва — эмблемы мудрости и мужества. Лев, казалось, грозно смотрел на толпу, охраняя трон монарха земли фараонов. Длинные, из красного и черного дереза, носилки, украшенные золотом и драгоценными камнями, покоялись на плечах двенадцати «эрисов», или военачальников, которых головы украшены были страусовыми перьями. Носилки и трон окружили прелестные мальчики — дети из жреческой касты, которые несли скимпетр фараона, футляр его лука, колчан со стрелами и другие знаки царского достоинства.

Но что особенно поражало зрителей — это громадный лев, который шел рядом с носилками, постоянно поднимая свою косматую голову вверх, чтобы взглянуть на Рамзеса. Это был его любимый, прирученный с детства лев — «Смам Хефту» — «раздиратель врагов», которого вел на золотой цепи маленький внук верховного жреца Амона, смуглолицый мальчик лет двенадцати. Лев привык к своему маленькому вожжатому, играл с ним и позволял даже ездить на себе верхом.

Вокруг всей этой группы — вокруг носилок с троном, фараоном, вокруг эрисов, жреческих детей и льва — кольцом обвивались сановники, которые своими блестящими опахалами навевали прохладу на своего повелителя, насколько мог дать прохлады знойный воздух тропиков при мертввой тишине, не колеблемой даже ни малейшим дуновением ветерка с Нила.

Вслед за носилками шли восемнадцать царевичей — детей Рамзеса (старший шел впереди носилок, куря благовониями земли Пунт). Они шли по два в ряд. У младших из них, еще не достигших возмужалости, от висков спускались на щеки черные как смоль «локоны юности» — признак принца царской крови.

За царевичами, тоже по два в ряд, выступали начальники войск, а затем уже колонны воинов с луками и колчанами за плечами.

Недалеко от храма, на площади, обведенной полукругом из сфинксов, процессия остановилась. Носилки были поставлены на землю, и Рамзес сошел с трона, поддерживаемый эрисами.

Площадь и толпы народа, казалось, дрогнули от испуга. Они увидели бога!...

Это был белый, как горный снег, молодой бык — Апис. Добродушная морда животного, кроткие, огромные, несколько выпученные глаза, бессмысленно глядевшие на блестящую процессию, — все это как-то не вязалось с понятием о грозном и всемогущем божестве. Но такова сила человеческой глупости: все — исключая жрецов, и то немногих, — верили, что это — бог, Апис-Озирис. Все упали на колени: кто воздевал руки к божеству, кто распростерся лицом.

Впереди Аписа шел жрец, куря фимиам перед священным животным. Бык шел послушно: он знал, куда его ведут. Богу долго не давали есть, он проголодался, но хорошо знал, что если верховный жрец идет впереди с курильницей, то, значит, — скоро богу дадут кушать. Вслед за Аписом двадцать два жреца

несли на драгоценных носилках, в форме паланкина, самую статую божества, Амона Горуса, из чистого медианитского золота, а другие жрецы богатыми опахалами и ветками олеандров в цвету навевали свежесть на это золотое божество.

Рамзес присоединился к этой священной процессии. Возложив на голову один венец — венец «нижней страны», он пошел вслед за Аписом. За ним понесли статую Амона-Горуса, окруженную жрецами, из которых один громко возглашал предписанные на этот случай молитвы, другие девятнадцать жрецов несли разные священные предметы, а еще семь выступали с небольшими золотыми изображениями предков и предшественников Рамзеса, которые символически, в вещественных образах, принимали участие в торжестве своего дальнейшего потомка.

Миновав пилоны, священная процессия, с быком и фараоном во главе, вступила во внутренний двор храма, с одной стороны обставленный колоссальными колоннами, капители которых украшены полурастущимися лотосами, с другой — пятью массивными каменными пиластрами, к которым прислонены такие же колоссальные статуи фараонов с атрибутами Озириса.

Но здесь процессия не остановилась. Она прошла этот двор и другие пилоны с изображениями побед Рамзеса и вступила во второй, еще более обширный двор, окруженный галереями с богатыми скульптурными изображениями и статуями царей.

Вступив на этот двор, Рамзес поднял голову. Глаза его остановились на западной галерее, и смуглое лицо фараона просветлело. Оттуда смотрели на него его дочери и жена, царица Тиа. Всех царевен было четырнадцать, из которых иные смотрели еще очень юными: их-то невинные личики и разгладили суровое чело грозного фараона.

Увидев Аписа, царица и царевны благоговейно преклонили колена. Но вот фараон уже в храме, перед жертвеником Амона-Горуса. Его встречает первенствующий верховный жрец с амфорой помазания и елеем в одной руке и с двойным венцом в другой. Это венец «верхней и нижней страны» — Верхнего и Нижнего Египта.

Апис, стоящий рядом с фараоном, начинает изъявлять нетерпение, беспокойство. И причина понятна: проголодавшийся бог видит на жертвенике сноп зеленой, сочной, с налитыми колосьями пшеницы и около снопа — золотой серп. Бык очень хорошо понимает, для чего все это приготовлено: его сейчас будут кормить этой прелестной пшеницей, и глупый, недогадливый бык, словно простой смертный, деревенский бычок, протягивает к снопу свою добродушную морду. Но догадливый, продувной жрец кидит у него под самой мордой благоуханиями, которых бык терпеть не может, и он пятится назад от снопа. Ах, как ему надоели эти куренья! Ничего не поделаешь — надо терпеть, а иначе есть не дадут. И, наученный горьким опытом, бог молчит и только тихим мычанием изъявляет свою волю на венчание Рамзеса III венцом обоих Египтов — от моря и Мемфиса до пределов «презренной страны» Куш-Эфиопии. И первенствующий верховный жрец, совершив обряд помазания на царство, умастив голову фараона благовонным елеем, возлагает на него двойной венец.

А Апис все ждет... И когда все это кончится!... Как противен для него запах этого елея! Как противен дым курений!... То ли дело зеленая, сочная пшеница

— эти налитые молоком колосья!... А надо ждать...

После этого венчанный царь совершает возлияние божеству, Аммону-Горусу. Тогда начинается обряд «четырех птиц». Из внутренней части алтаря, из святилища, недоступного для смертных, выносят четыре золотые клетки со священными птицами — ибисом, кобчиком, вороном и орлом. Верховный жрец поочередно вынимает их из клетки и выпускает на все четыре стороны света — на север, на восток, на юг и на запад: эти птицы, гении бога Озириса, должны поведать во все концы мира, что Рамзес III, следуя примеру Амона-Горуса, венчался символами его владычества над всей вселенной. Апис все ждет, следя своими добрыми, изумленными глазами за полетом птиц... Зачем это они делают? А затем, чтобы потом дать ему вон те удивительные колосья... Он это хорошо понимал — он хорошо помнит, что то же самое проделывали с ним жрецы, когда несколько лет тому назад венчали на царство фараона Сетнахта-Миамуна... И тогда дали ему вот эти удивительные колосья... А где же девался этот Сетнахт-Миамун?... Бык ничего не понимал — и терпеливо ждал...

Наконец-то!... Рамзес протягивает руку, берет золотой серп и срезывает полную горсть пшеницы. Жрец с противным курением отступает в сторону, и Рамзес дает Апису порядочную кучку колосьев... Ах, как вкусно!... С каким наслаждением он жует эту прелесть и снова протягивает свою морду к снопу.

Тогда с верхней галереи сходят царица Тия с царевнами, и начинается трогательная сцена: юные царственные египтянки обступают Аписа и то благоговейно, с любовью гладят мягкую, шелковистую, чистую шерсть священного животного, то суют ему в рот колосья, а он их жует и жует с наслаждением, поглядывая на девочек своими кроткими глазами.

В это время Аммон-Горус, сопровождаемый половиною жрецов, удаляется в свое святилище¹.

II. СВЯЩЕННАЯ ДЕВОЧКА

Когда кончился таким образом обряд венчания на царство Рамзеса III, жрецы Аписа двинулись в обратный путь со своим богом, в храм Аписа-Тума, находившийся недалеко от Рамессеума великого Сезостриса. И на этот раз впереди священного быка шел жрец и на золотом блюде сжигал благовония.

При приближении Аписа к крайним пylonам храма Амона-Горуса, где была особенно многочисленна толпа зрителей, стариk, который в предыдущей главе разъяснял своей маленькой внучке изображения и надписи на пилонах, видимо обнаруживал знаки величайшего волнения. Он прижал руку к сердцу, как бы стараясь удержать его биения, то поднимал глаза к небу.

Теперь он, при виде Аписа, нагнулся к девочке, как бы затем, чтобы пригладить ее волосы.

— Так все помнишь, дитя? — спросил он шепотом.

— Все помню, дедушка, — отвечала девочка.

— Что ж ты скажешь? — продолжал стариk.

— Я скажу про себя: «Великий бог Апис-Тум! Освети мою невинную душу божественным лучом очей твоих; дай мне, чистому ребенку, твою силу для доброго дела», — пролепетала шепотом девочка.

— Хорошо, дитя... Только не забудь взглянуть ему в глаза.

— Не забуду.

Сказав это, девочка, гибкая и тоненькая, как пальмочка, выроном проскользнула вперед к самым мацаи, охранявшим порядок шествия. Стариk лихорадочно следил за ее движениями. При виде бога толпа снова дрогнула, и кто упал на колени и протягивал руки к божеству, кто рас простерся ниц. В этот момент девочка, юркнув мимо мацаи, очутилась как раз перед Аписом и упала на колени, скрестив руки. Черные глаза ее с боязнью уставились в изумленные глаза священного животного. Бык остановился на минуту. Мацаи былобросились к девочке, но жрец, возжигавший курения, остановил их.

— Не отгоняйте детей от лицезрения бога, — сказал он повелительно, — сам великий Аммон принимает невинных детей на свое лоно.

Бог уже нагнул было голову, чтобы бодаться — ему одного маленького снопа было недостаточно — он был еще голоден, как девочка уже юркнула в толпу.

— Она священная... девочка священная теперь, — прошел шепот удивления по толпе.

Все старались взглянуть на нее, подойти ближе, заговорить. Она сама теперь чувствовала, что совершила что-то необыкновенное. Она это видела в глазах других, слышала это в шепоте удивления окружавших ее, замечала это в том благоговейном удивлении, с каким глядели на нее женщины. В ней заговорила бессознательная радость — гордость совершенного подвига. Она, казалось, преобразилась — выросла в один момент, возмужала. Хорошенько смугленькое лицико ее стало еще прелестнее.

Шествие между тем продолжалось. Апис уже подходил к колоссальным статуям фараона Аменхотепа III, которые до настоящего времени слывут ошибочно под именем колоссов Мемнона.

Фараон Аменхотеп III был царем Египта восемнадцатой династии, около 1680

лет до христианской эры. В Каире, в Булакском музее, можно доселе видеть статую строителя этих колоссов, надпись на которой, между прочим, говорит от лица этого строителя: «Возвысил меня царь Аменхотеп III в звание верховного строителя. Я увековечил имя царя, и никто с древнейших времен не сравнялся со мною в работах моих. Для царя создана была гора песчаника — он есть наследник бога Тума (захищающего солнца). Я действовал на основании собственных вычислений, когда под моим руководством высекались из хорошего крепкого камня две статуи в этом великом здании (в храме Аменофиум). Оно подобно небу. Ни один царь не сделал ничего подобного со времени, когда солнечный бог Ра владел страною. Итак, я наблюдал за изваянием этих изображений — его, царя, изображений: они удивительны и по ширине и в высоту, по вертикальному направлению; фигура их в оконченном виде делала ворота храма низкими — сорок локтей мера их... Я приказал построить восемь кораблей. Статуи на них отвезены и поставлены в его великолепном здании. Они будут вечны, как небо»².

И гениальный скульптор колоссов не ошибся: от стовратных Фив, от храма Аменофиума, от дворцов и храмов Рамзеса Н-Сезостриса и Рамзеса Ш-Рампсина, от всех богов Египта остались только обломки на месте Фив, обломки камней, мусор да колонны полуразбитые; имя фараона Аменхотепа III, чью личность изображали эти колоссы, давно забыто в истории, а колоссы все стоят в грозном величии вот уже почти 4000 лет, и будут еще стоять долго-долго на удивление последующим поколениям...

Старик и девочка между тем затерялись в толпе.

— Кто эта девочка, — спрашивали любопытствующие, — чья она?

— Неизвестно... Слышали только, что старик назвал ее Хену.

— А кто этот старик? Отец ее или дедушка?

— Это знает только бог Хормаху всевидящий³: он освещал своими лучами ее детскую колыбель.

А между тем те, о которых говорили в толпе, пробирались к берегу Нила, выше Мединет-Абу. В густых тростниках их ожидала небольшая лодочка, которую можно было с трудом отыскать. Но старик, по-видимому, хорошо знаком был с местностью. Он без труда отыскал лодку, привязанную к толстому стволу тростника, отвязал ее и взял лежавшие на дне ее весла.

Девочка с легкостью котенка вскочила в лодку.

— Дедушка, — сказала она, — дай мне одно весло, я буду грести.

— Хорошо, дитя, — с улыбкою отозвался старик, — только ты не сумеешь.

Он оттолкнул лодку и сам в нее вскочил с легкостью юноши. Лодка вышла из тростников и направилась к другому берегу Нила. Девочка гребла усердно, стараясь брать в такт с дедом.

— Отчего же, дедушка, Апис — бог, а другие быки не боги? — спросила она, видимо находясь под впечатлением недавно испытанного.

— Оттого, дитя, что в Аписа вселилась душа Амона Горуса, — отвечал старик.

— А как же узнать, в какого быка она вселилась?

— Это узнают только святые отцы, дитя... Когда прежний бог Апис, жития которого было двадцать шесть лет, два месяца и один день, отправился в прекрасную страну запада и был погребен в гробничном подземелье, на покое, при великом боже Озирисе, при Анубисе и при богине подземного мира на западе, в

вечном доме своем, то нового бога Аписа долго искали по всему Египту и нашли только в низовьях Нила, и тогда верховный жрец торжественно при всем народе ввел его в храм Пта — отца богов.

— Дедушка! — прервала его рассказ девочка. — А когда ты был начальником стад фараона, в твоих стадах ни разу не появлялся бог Апис?

— Нет, дитя, появлялся, — отвечал старик с дрожью в голосе, — последний Апис, который был перед этим, вырос в моих стадах и родился от моей коровы.

Девочка задумалась, усердно работая веслом.

— А что теперь со мной будет, дедушка? — спросила она вдруг. — Он взглянул мне прямо в глаза... Я чуть не крикнула от страха.

— Тебе богов бояться нечего, ты невинное дитя, — сказал старик.

— Так что ж со мною будет, дедушка? — снова спросила девочка.

— Ты теперь стала священная, ты сподобилась великой милости бога, и теперь все, о чем ты попросишь у отца бога Аписа, у великого Пта, все исполнится.

— А когда я вырасту большая, тогда что со мною будет?

— Все для тебя будет достижимо, дитя, если ты не утратишь своей святости.

В это время лодка поравнялась с длинною песчаною отмелью, тянущуюся вдоль Нила до острова. На отмели виднелись какие-то черные колоды, в которых девочка, обитательница берегов Нила, тотчас узнала страшных владык водных пределов священной реки. Это были два огромных крокодила. Они лежали на отмели, разинув свои чудовищные пасти, а в них среди огромных, словно пилы, зубов безбоязненно возились какие-то маленькие птички: это были знаменитые «трокодилы», о которых говорит Геродот. Маленькие птички эти — друзья крокодилов. Когда нильские чудовища выходят из реки на берег, большей частью на илистые и песчаные отмели, и отдыхают, раскрыв пасти для того, чтобы ветерок освежал их, то трохиды забираются к ним в пасти и, ничего не боясь, отыскивают и поедают там разных паразитов, вроде пиявок и водяных жучков, которые беспокоят крокодилов. Чудовища это и нравится, и они щадят своих маленьких благодетелей, тем более что трохиды криком своим пробуждают спящих крокодилов, предупреждая их об опасности.

— Смотри, дедушка, вон крокодилы спят, — сказала девочка, увидав чудовищ, — вон и птички у них во рту бегают и не боятся.

— Что же им, дитя, бояться? Они для крокодилов то же, что ты для меня, их утеша, — заметил старик.

— А говорят, крокодил тоже бог. Да, дедушка?

— Да, дитя, только у нас ему не ставят храмов. А в Нижнем Египте, в земле Таше, крокодилы имеют свои храмы: в крокодиле обитает божество Сет (Тифон), страшное, разрушительное божество.

— А недавно, вон у того берега, крокодил утащил одну девочку, я сама видела.

— Она, должно быть, близко подошла к берегу?

— Да, дедушка, она водила на водопой осла и стояла у самой воды, а крокодил как ударит ее хвостом — мы и не заметили, как он показался из воды, — девочка упала в воду, он и утащил ее... А мы играли дальше от берега.

Но вот и берег. Тени от гигантских пальм, стоявших недалеко от Нила, ложившиеся утром длинными полосами поперек реки, теперь укоротились так, чтоказалось, гигантские деревья потеряли способность бросать тень, и только зон-

тикообразные вершины их несколько оттеняли раскаленную землю у стволов исполинов африканской растительности.

В то время, когда старик и девочка выходили на восточный берег Нила, в западной части Фив, за Нилом, во дворце Рамзеса, в помещении, занимаемом старшим его сыном, принцем Пентауром, происходил таинственный разговор между этим царевичем и его матерью, царицей Тиа.

— Ты слышала, матушка, что он на завтра объявил поход против презренной страны Либу, — сказал Пентаур, сердито сжимая рукоять меча.

Это был египтянин с типичными чертами фараонов: широкий, низкий, как у льва, лоб, подвижность пантеры, стройность и подвижность членов этого животного, широкие ноздри и мясистые, как у негра, губы обнаруживали пламенный темперамент. Пентауру было уже лет под тридцать.

— Да, — тихо отвечала его мать, женщина лет под сорок, смуглая, с продолговатыми, как у сфинкса, глазами, — я слышала, сын мой.

— И знаешь, кого берет с собой в поход?

— Конечно, сын мой, тебя: ты его преемник.

— Нет! Он берет мальчишку Ментухи — начальником конницы и колесниц, а Рамессу — начальником пехоты.

— Да, я знаю — это его любимцы, — тихо, как бы про себя, проговорила Тиа, поправляя на голове золотой обруч с изображением змея «уреус» (царский змей).

— А Меритума торжественно объявил великим жрецом Ра, бога солнца, в Уакоте (Гелиополис), а Хамуса — великим жрецом бога Пта-Сокара (Озирис) в Мемфисе, — продолжал Пентаур еще с большим раздражением.

— А тебя, сын мой, кем он назначает? — чуть слышно спросила царица.

— Меня — бабой! Я, как женщина, должен оставаться дома и принимать подати дуррой и полбой и ссыпать их в магазины. Так не быть же этому! Я велю Бокакамону принимать, а сам уеду охотиться на львов пустыни.

— Не волнуйся, сын мой, — все так же тихо заметила ему Тиа, — за нас с тобой, и в особенности за меня, за женщину, — великая богиня Сохет, мать богов! Мы еще посмотрим, сын мой, что скажет ее супруг, великий Пта, отец богов.